

жества) истинным свидетельством. Настолько страшен был Аттила для великих империй, что смерть его была явлена свыше взамен дара царствующим»¹²⁴.

Приск приводил в своем сочинении также полулегендарный рассказ о переходе гуннов через Меотиду, повторенный затем Иорданом и Прокопием. В утерянной части сочинения Приска содержалось известие о суевверном ужасе, который внушал гуннам город Рим. Иордан, со ссылкой на Приска, говорит, что приближенные Аттилы убедили его отказаться от осады Рима не из-за добрых чувств к городу, врагами которого они были, а из-за опасения за жизнь своего короля, ибо памятна была судьба вестготского правителя Алариха, который умер вскоре после разорения Рима¹²⁵.

Мы можем только гадать, почему Приск, столь ярко описавший обычаи гуннов и других варваров, подвластных Атилле, умолчал об их религии и религиозных обрядах. Было ли это свидетельством слабой приверженности гуннов к религиозным обрядам или просто волей составителей эксцерптов Константина Багрянородного, которые сокращали труд Приска, — видимо, навсегда останется загадкой.

Еще труднее составить представление об этических и моральных воззрениях Приска.

Приск как писатель и человек обладал, видимо, достаточно твердыми нравственными устоями. Так, ему глубоко претят коварство и вероломство, проявляемые в дипломатических делах; он искренне негодует по поводу намерения евнуха Хрисафия (а тем самым и императора) убить Аттилу и использования посольства в этих недостойных целях¹²⁶. Ему несимпатичен грек-перебежчик, хулящий свою родину и ее порядки. Верность своему государю он считает достоинством, а измену порицает. Он добродушно говорит об отказе гуннского вельможи Онигисия продать свою страну и своего короля за византийское золото¹²⁷. Приску импонирует мужество и достойное поведение послов империи, в частности посла к гуннам Аполлония, который прославил себя поступком, достойным твердого человека. Он не испугался Аттилы, хотя тот угрожал ему смертью, и не выдал королю подарков императора без того, чтобы Аттила принял его для переговоров¹²⁸. Сам Приск во время переговоров с Аттилой держит себя с достоинством и проявляет даже большее мужество, чем Максимин¹²⁹.

Приск, в отличие от многих других авторов, особенно Аммиана Марцеллина, Зосима и Прокопия, достаточно благожелателен к окружающим. Даже в самых дурных людях он способен разглядеть какие-то привлекательные черты. Так, Вигила, подготовлявший тайное убийство Аттилы, человек, в изображении Приска, коварный, лживый и скрытный, способный на любое преступление ради корысти, в трудную минуту жизни проявил незаурядные свойства — отеческую любовь и самопожертвование. Захватив и разоблачив Вигилу в участии в заговоре, Аттила хотел убить его сына, если не будет уплачен выкуп в 50 либр золота. «При виде сына, обреченного на смерть, Вигила, проливая слезы и рыдая, умолял Аттилу обратить на него меч и пощадить ни в чем не повинного юношу. Он тотчас признался в том, что было замыслено им, Эдикном, евнухом и царем, и между тем не переставал просить Аттилу убить его самого и от-

¹²⁴ *Jordan. Getica*, § 255; о гуннском золотом луке см.: *J. Harmatta. The Golden Bow of the Huns*. — «*Acta archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*», 1, 1951, p. 107—151.

¹²⁵ *Jordan. Getica*, § 222.

¹²⁶ *Priscus*, fr. 8.

¹²⁷ *Ibidem*.

¹²⁸ *Ibid.*, fr. 14.

¹²⁹ *Ibid.*, fr. 8.